

Густав Майринк

Растения доктора Синдереллы

Густав Майринк
Растения доктора Синдереллы

Александр Б.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=149590

Густав Майринк

Растения доктора Синдереллы

Ты видишь ту маленькую, почерневшую от времени бронзу между канделябрами? Это и есть причина загадочных наваждений, которые преследуют меня на протяжении последних лет.

С неумолимой последовательностью звеньев одной цепи сплетены эти сосущие из меня жизнь эксцессы, и когда я, звено за звеном, возвращаюсь в прошлое, то неизбежно прихожу к одной и той же исходной точке – к этой бронзе.

И даже если, пытаюсь обмануть самого себя, я выдумываю другие причины, все равно – она встает на моем пути подобно роковой вехе.

А куда этот путь ведет: к свету прозрения или дальше, в еще более крошечный мрак кошмара, – я не знаю, да и знать не хочу, судорожно цепляясь за те немногие дни, когда мой злой рок оставляет меня в покое до следующего потрясения.

В Фивах нашел я ее, выкопал в песке пустыни – так, совершенно случайно, ковырнул тростью. Но с той секунды, когда я впервые увидел эту статуэтку, меня охватило болезненное любопытство: что же она означает? А ведь я никогда не отличался особой любознательностью!

Для начала я опросил специалистов, всех подряд; – без-

результатно.

Лишь один старый арабский антиквар как будто что-то уловил: «Имитация египетского иероглифа, а странное положение рук фигуры, видимо, указывает на какое-то неизвестное экстатическое состояние».

Эту бронзовую статуэтку я взял с собой в Европу, и не было вечера, чтобы я, размышляя над ее таинственным значением, не путался в головоломных лабиринтах своих мыслей.

При этом меня не оставляло жуткое предчувствие: я копаюсь в чем-то ядовитом, враждебном, с каким-то коварным удовлетворением, слой за слоем, снимаю с безжизненной мумии набальзамированные пелены, чтобы потом она, подобно неизлечимой болезни, впилась в меня и превратилась в черного вампира моей жизни. И вот однажды – я занимался чем-то посторонним – разгадка так внезапно и с такой силой пронзила мой мозг, что я вздрогнул.

Озарения – как метеоры, рассекающие темный небосклон нашей души. Мы не знаем их родины, мы только отмечаем их белое раскаленное свечение и фиксируем место падения...

Сначала – почти всегда – ужас, потом – что-то тихое, так – так, словно какой-то пришелец... Что же я хотел сказать? Извини, с тех пор как моя левая нога парализована, я иногда, бывает, отключаюсь; так вот, ответ был до предела прост: *имитация!*

Это слово обрушило дамбу, и через мое сознание прокатилась мощная прибойная волна, сметающая на своем пути

все сомнения; имитация, только это одно является истинным ключом ко всем загадкам нашего бытия.

Скрытая, бессознательная, постоянная, она — невидимый рулевой всех живых существ!

Всемогущий таинственный инкогнито, лоцман под темной маской, который молча, в зыбких предрассветных сумерках, всходит на палубу человеческой жизни. Тот, который является из тех бездн, куда наша душа заглядывает лишь тогда, когда глубокий сон накрепко смыкает створки дневных врат! И может быть, там, глубоко внизу, на дне потустороннего, воздвигнута бронзовая статуя демона, который возжелал, чтобы мы, люди, стали его образом и подобием...

Этот зов «ниоткуда», прозвучавший для меня словом «имитация», указал путь, на который я и вступил, не мешкая ни секунды. Я выпрямился, поднял руки над головой, как у статуэтки, и стал опускать пальцы до тех пор, пока мои ногти не коснулись макушки. Но ничего не произошло. Никаких перемен — ни во мне, ни вне меня. Чтобы не допустить ошибки в позе, я всмотрелся в фигурку внимательнее и заметил, что ее глаза закрыты, как во сне.

Я прервал свои экзерсисы и стал дожидаться ночи. Убрал подальше тикающие часы и улегся, воспроизведя положение рук статуэтки.

Минуты шли, но сон не приходил — по крайней мере мне так казалось.

Внезапно послышался какой-то гул, он доносился изнут-

ри, из глубин моей души, и непрерывно нарастал, как будто огромный валун скатывался вниз.

Мое сознание сорвалось и устремилось вслед за ним по бесконечной лестнице, перепрыгивая сначала через две, потом через четыре, восемь и далее через все большее и большее количество ступенек, – в какой-то момент все мои воспоминания о жизни подверглись полной диссолюции и прирзак летаргии накрыл меня.

О том, что наступило потом, я рассказывать не буду, об этом не говорят.

Может быть, кто-то и посмеется: как, из тысяч египтян и халдеев, посвященных в великие мистерии, охраняемые зме-ем Уроборосом, не нашлось ни одного, кто бы проговорил-ся? Значит, и говорить было не о чем.

Ведь все мы уверены, что нет клятв, которых бы нельзя было нарушить.

Когда-то и я так думал, но в то мгновение я понял все. За всю историю человеческого существования до нас не до-шло ни одного упоминания о таком событии, в котором бы ощущения следовали *последовательно*, друг за другом, и де-ло здесь не в клятве, связывающей язык, просто одна только мысль о том, чтобы намекнуть о подобных вещах здесь – по-сю сторону, – и гадюки жизни уже примериваются к твоему сердцу.

Поэтому и умалчивают об этом великом таинстве, ибо оно требует молчания, хочет остаться тайной до тех пор, пока

«мир сей пребудет».

Но все это имеет косвенное отношение к тому ожогу, боль от которого мне уже никогда не загасить. Ведь и внешняя судьба человека меняет свои ориентиры, если хоть на мгновение его сознание превысит предел, установленный смертным.

Факт, живым примером которого являюсь я. С той ночи, когда я впервые вышел из своего тела – по-другому назвать это я не могу, – траектория моей жизни – такой раньше уютной! – изменилась и стала меня кружить от одного загадочного, внушающего ужас наваждения к другому, сужая круги над темной неведомой целью.

Казалось, какая-то дьявольская рука ведет меня от кошмара к кошмару, которые с каждым разом становились все более невыносимыми, а паузы между ними – все более краткими. Действуя расчетливо и чрезвычайно осмотрительно, она словно экспериментировала, синтезируя во мне некий новый, неизвестный вид безумия, который бы никто извне даже не заподозрил, и лишь жертва осознавала бы его в припадках несказанных мук.

На следующий же день после моей первой попытки имитации я стал замечать такие явления, которые принял поначалу за обман чувств.

Странные посторонние шумы – грохочущие или пронзительно свистящие врывались вдруг в повседневный звуковой фон, фантастические краски, которых я раньше никогда не

видел, мерцали у меня перед глазами. Загадочные существа возникали передо мной и совершали в призрачных сумерках какие-то непонятные действия.

Они произвольно меняли свою внешность, падали вдруг замертво, потом длинными слизистыми кишками ускользали в водосток или в дурацком отупении сидели нахохлившись в темных прихожих.

Такое состояние обостренной чувствительности не было постоянным – оно, подобно Луне, проходило через различные фазы, погружая меня иногда в настоящий транс.

А почти полная потеря интереса к людям, чьи надежды и чаянья доносились до меня как далекое эхо, свидетельствовала, что моя душа совершает какое-то таинственное паломничество в сторону прямо противоположную человеческой природе.

Вначале я лишь прислушивался к шепоту наполнявших меня голосов, вскоре же повиновался ему, как зашоренная кляча.

Как-то ночью этот шепот погнал меня на улицу; бесцельно кружа по тихим переулкам Малой Страны, я восхищался фантастическими старинными дворцами этого самого мрачного в мире городского квартала.

В любое время суток – днем и ночью – здесь царит вечный сумрак.

Какое-то смутное свечение, как фосфоресцирующая Дымка, оседает с Градчан на крыши домов.

Сворачиваешь в какой-нибудь переулок, сразу погружаешься в омут мрака, и вдруг из оконной щели тебе в зрачок вонзается длинная колдовская игла призрачного света.

Потом из тумана выплывает дом с надломленными плечами и покатым лбом; как давно околевшее животное, бессмысленно таращится он в небо пустыми люками крыши.

А рядом выворачивает шею другой, жадно кося горящими окнами вниз, на дно колодца: быть может, сын золотых дел мастера, который утонул сто лет назад, еще там. А ты идешь дальше, спотыкаясь на горбатом булыжнике мостовой, и если вдруг резко обернешься, то можно побиться об заклад, что встретишься глазами с какой-нибудь бледной расплывшейся мордой, глядящей тебе вслед из-за угла – и не на высоте человеческого роста, нет, много ниже, на уровне головы крупной собаки...

На улицах никого.

Мертвая тишина.

Древние ворота молчат, закусив потрескавшиеся губы.

Я свернул в Туншенский переулок, к дворцу графини Моржины.

Там, во мгле, притаился узкогрудый, в два окна дом – злое, чахоточное строение; меня что-то остановило, и я почувствовал, что погружаюсь в транс.

В таких случаях, марионетка чужой воли, я действую молниеносно и даже не подозреваю, что случится в следующую секунду.

Я толкнул слегка притворенную дверь, уверенно, как будто этот дом принадлежал мне, прошел по коридору и спустился по лестнице в подвал.

Внизу невидимые нити, которые направляли меня, ослабли, и я остался во мраке с мучительным сознанием своей подневольной зависимости.

Зачем я спустился в это подземелье, почему мне никогда не приходило в голову положить конец болезненному наваждению? Я болен, просто болен, а следовательно, и речи не может быть ни о каком таинственном потустороннем влиянии.

Но тут я вспомнил, как открыл дверь, вошел в дом, спустился по лестнице – ни разу не споткнувшись, как тот, кто отлично знает каждый свой шаг! – и все мои надежды враз улетучились.

Постепенно мои глаза привыкли к темноте, и я осмотрелся.

Там, на ступеньках лестницы, кто-то сидел. Как же я его не задел, когда проходил мимо?! Смутно вырисовывалось скрюченное тело.

Черная борода спадала на обнаженную грудь. Голые руки. Лишь ноги, казалось, были закутаны в какие-то лохмотья. В положении рук было что-то странное – выкрученные в локтях в обратную сторону, они торчали почти под прямым углом к предплечьям.

Я долго рассматривал сидящего на ступеньках человека.

Трупная окоченелая неподвижность была настолько противοестественна, что его фигура казалась просто контуром, который навечно вѣлся в темную стену.

Меня знобило от ужаса, и я двинулся дальше, следуя изгибам подземного хода.

В одном месте, нащупывая стену, я схватился за ветхую деревянную решетку, какие обычно употребляют при разведении вьющихся растений. Как оказалось, они здесь росли в изобилии – я почти повис в сетях лианоподобных зарослей.

Меня только смущало, почему эти растения – или то, что там было, – такие тугие и теплые и почему при их осязании появлялось ощущение живой человеческой плоти?

Я стал ощупывать один из стеблей, и вдруг мои пальцы сжали что-то выпуклое, величиной с желудь, холодное и склизкое. Я испуганно отпрянул. Ядовитый жук?

В этот момент впереди мигнул какой-то слабый отблеск и на секунду осветил стену.

Страх, ночные кошмары – все, что у меня раньше связывалось с подобными понятиями, – было ничто по сравнению с этим мгновением.

Каждая фибра моего существа вопила в неописуемом ужасе.

Неслышный вопль парализованных голосовых связок, который ледяным клинком пронзает человека сверху донизу.

Вся стена до самого потолка была опутана густой сетью кроваво-алых вен, как ягодами усыпанной сотнями вытара-

ценных глаз.

Один, который только что выскользнул из моих пальцев, еще покачивался на кровавом стебле и злобно косился в мою сторону.

Я почувствовал, как к горлу подступает тошнота, и, теряя равновесие, сделал еще два-три шага дальше во мрак; в ноздри ударил тяжелый тучный дух перегноя, запах грибов и айлантов.

Колени подгибались, и я бешено замахал руками, пытаясь удержаться на ногах. И тут я увидел перед собой маленький тлеющий нимб – гаснущий фитиль масляной лампы; в следующее мгновение он полыхнул снова. Я бросился к лампе и дрожащими пальцами вывинтил фитиль – крошечный коптящий огонек был спасен. Я резко обернулся, словно для защиты выставив лампу.

Помещение было пусто.

На столе, где стояла лампа, лежало что-то продолговатое, тускло отсвечивающее.

Моя рука потянулась к нему, как к оружию. Но в моей ладони оказался легкий чешуйчатый предмет.

Ничто не шелохнулось, и стон облегчения вырвался из моей груди.

Осторожно, стараясь не загасить пламя, я стал освещать стены.

Повсюду тянулись деревянные шпалеры, увитые сложными сплетениями вен – очевидно, искусственно сращенных;

густая темная кровь пульсировала в них. Жутко мерцали грозди бесчисленных глазных яблок, растущие вперемешку с какими-то отвратительными, похожими на малину наростами; когда я проходил мимо, они провожали меня настороженным взглядом. Глаза, большие и маленькие, всех цветов и оттенков. С чистой, ясной радужной оболочкой, и рядом – водянисто-голубой лошадиный глаз, с мертвым, направленным вертикально вверх взглядом.

Некоторые, сморщенные и почерневшие, напоминали засохшие дикие вишни.

Стволы артерий, которые пышно ветвились каскадами сосудов, оплетенных тончайшими паутинками синеватых капилляров, росли из наполненных кровью колб, каким-то непонятным образом всасывая в себя алую влагу. Я наткнулся на чаши; беловатые кусочки жира лежали в них, облепленные целыми колониями красных, обтянутых прозрачной кожей мухоморов. Грибы из кровоточащего мяса, которые нервно вздрагивали при малейшем прикосновении.

Все это были кровеносные системы, взятые из живых организмов и привитые друг к другу с непостижимым искусством; всякое человеческое одушевленное начало в них было изничтожено, низведено на чисто вегетативный уровень существования.

Но жизнь присутствовала в них, я это понял, когда поднес к глазам огонек лампы и увидел, как зрачки сразу сузились. Кем был тот inferнальный садовник, который заложил эту

кошмарную оранжерею?! Я вспомнил человека на лестнице. Инстинктивно сунул руку в карман в поисках какого-нибудь оружия и наткнулся на продолговатый предмет, который нашел на столе. Он топорщился как рыба чешуя... Это была шишка из розовых человеческих ногтей! Содрогнувшись от ужаса, я бросил ее на землю и стиснул зубы: прочь отсюда, прочь, даже если человек на лестнице очнется и накинется на меня!

И вот я уже рядом с ним и готов к схватке, но тут я замечаю, что он мертв – желт, как воск.

Из пальцев выкрученных рук вырваны ногти. Небольшие надрезы на груди и висках свидетельствовали, что неизвестный подвергался вскрытию.

Проходя мимо, я задел его. Или мне померещилось? Но он, соскользнув на две ступеньки, внезапно выпрямился, поднял руки, а ладони опустил к макушке.

Та же поза – та же поза! Имитация египетского иероглифа!

Потом – провал, помню только, как погасла лампа, как резким ударом я распахнул входную дверь и как демон катаlepsии сжал в своих ледяных пальцах мое трепещущее сердце...

Позже, немного придя в себя, я начал что-то понимать – локти человека были привязаны к потолку веревками, которых, когда он сидел, не было видно, но стоило ему соскользнуть вниз, и его тело, повиснув, выпрямилось... а потом –

потом меня кто-то тряс: «Пройдемте к Я вошел в плохо освещенную комнату, у стены – курительные трубки, на вешалке – служебный китель. Полицейское управление.

Какой-то шуцман поддерживает меня.

За столом сидит комиссар; глядя куда-то мимо, он бормочет:

– Вы записали его анкетные данные?

– При нем была визитная карточка, – ответил шуцман.

– Что вы делали в Туншенском переулке – у входной двери, открытой настежь?

Продолжительная пауза.

– Эй! – толкнул меня шуцман.

Я залепетал что-то об убийстве в подвале Туншенского переулка...

Шуцман вышел.

Комиссар, по-прежнему не глядя на меня, произнес какую-то длинную реплику.

Я расслышал только:

– Ну что вы такое говорите? Доктор Синдерелла – известный египтолог, ученый; создал новые сорта плотоядных растений – непентий, дрозерий или как их там – не знаю... Лучше бы вам по ночам оставаться дома...

За мной открылась дверь, я обернулся: на пороге стоял высокий человек с клювом цапли – египетский Анубис.

У меня потемнело в глазах. Анубис поклонился комиссару и, подходя к нему, кивнул мне:

– Доктор Синдерелла... Доктор Синдерелла!

И тут я вспомнил что-то очень важное из моего прошлого – и тут же снова забыл.

Когда я посмотрел на Анубиса снова, он уже превратился в писаря – правда, в лице у него осталось что-то птичье. Он вернул мне мою визитную карточку, на которой черным по белому значилось: доктор Синдерелла.

Комиссар вдруг посмотрел прямо на меня и сказал:

– Ну вот, это вы и есть, собственной персоной. Рекомендую по ночам оставаться дома.

Писец помог мне выйти из комнаты, но, проходя мимо вешалки, я задел служебный мундир.

Он медленно соскользнул и повис на рукавах.

Его тень на выбеленной стене подняла руки над головой, беспомощно пытаясь повторить позу египетской статуэтки.

Ну вот и все. Это последнее наваждение случилось со мной три недели назад. С тех пор меня разбил частичный паралич: у меня теперь две различные половины лица и я приволакиваю левую ногу.

А того узкогрудого чахоточного дома я так и не нашел, и в комиссариате никто ничего не знает о той ночи.